

Ирина Кучер —

экосоциальный дизайнер
и аспирантка в университете
дизайна Кольдинга (Дания).

Проводит основанное на практике
исследование (practice-based PhD)
в области культуры потребления
и ремонта в сфере моды.

Новое — это нехорошо забытое старое.

Компаративный анализ практик мендинга в западном и постсоветском контекстах

Введение

На фоне чрезмерно возрастающей комплексности и быстрых социальных, экономических, политических и экологических изменений индустрия моды в последние несколько десятилетий была характеризована быстрыми ритмами некачественной продукции (Niinimäki 2013), быстро меняющимися коллекциями (Fletcher & Grose 2012), увеличивающимся потреблением, основанным на трех различных видах запланированного устаревания (функциональности, качества и желательности (desirability)) (Packard 1963), и быстрым ритмом замены одних вещей на другие (Allwood et al. 2006).

В связи с экологическими и социальными проблемами, обусловленными индустрией моды (Orsola de Castro 2021), неудовлетворенностью укоренившимся в обществе консюмеризмом и низким качеством

продукции, а также экологическим активизмом (Thumberg 2021; Ditty 2017), поколения, родившиеся в 1980-х и 1990-х годах, начали воспринимать дематериализацию как стратегию сопротивления капитализму и культуре потребления (Clark 2008). Эти изменения привели к постепенному переходу от быстрого ритма потребления к медленному, для которого характерно не только долгосрочное использование одежды и возвращение к признанию ее утилитарной функции (Gurova 2018; Clark 2008), но и получение удовольствия от манипуляции с объектом через персонализацию, апсайклинг (Twigger Holroyd 2018; Егерева, Гурова 2014; Campbell 1995) и ремонт (Dugani 2019).

Интерес к ремонту в академической среде растет, и представители разных дисциплин исследуют его как практику, не ориентированную на экономический рост (Graziano & Trogal 2019). Однако эти исследования в основном нацелены на западный мир, который долгое время смотрел на «идеи коллективного счастья как на неестественные и тоталитарные», и сегодня переосмысливает принципиально иной набор ценностей и то, как коллективное счастье может выглядеть (Cederström 2018), о чем свидетельствует, в частности, процветающее и набирающее обороты движение «со», имеющее на самом деле долгую историю, но приобретающее новый смысл. Такие концепты, как *co-living* (*communal living*), не новы и существуют уже сотни лет, хотя, наверное, не все жители Нью-Йорка помнят о *co-living* пансионах, ставших известными во время массового иммиграционного бума 1990-х (Meunier 2019). На постсоветском пространстве идея коллективной жизни и формирования социальных связей под одной крышей коммунальной квартиры также вряд ли может показаться новой.

На то, что определенный набор практик все еще не забыт на восточно-европейском пространстве и является частью повседневного быта многих людей, указывает также недавно проведенное исследование Чешского института этнологии (Jehlička et al. 2020). Авторы предлагают обратить внимание на смесь традиционных и новых повседневных практик «периферии» в области агропродовольственных систем, чтобы позволить международному научному сообществу взглянуть на них с точки зрения их многообразия и подлинной, часто непреднамеренной устойчивости.

В рамках медленного потребления починка одежды является одним из личных вкладов в развитие медленной темпоральности и ответом на негативные последствия развития модной индустрии. Несмотря на всплеск интереса к починке одежды, еще больше усилившегося в период глобальной пандемии 2019 года (Brayshaw 2020), практики ремонта одежды в бытовой среде ограничиваются пределами товарного

активизма (commodity activism) (Durrani 2019) и имеют нестабильный, маргинальный и остаточный характер. При этом шитье, перешивание и персонализация одежды на постсоветском пространстве не утратили статуса важной культурной практики. Базовые навыки ремонта все так же передаются от поколения к поколению, являются одной из составляющих системы школьного образования и различные манипуляции с одеждой все так же распространены, как и во времена социализма.

Причины того, почему люди вновь возвращаются к практикам ремонта одежды, как они интерпретируют эстетические коды починки, какую одежду они ремонтируют, как они это делают и чем отличаются сегодняшние практики от практик прошлого в разных социальных контекстах, исследованы мало. Принимая во внимание вышеописанные аргументы, я предлагаю сравнить практики ремонта одежды в западном (датском) и восточно-европейском (украинском) контекстах, а также прошлое и будущее, не только исследуя повседневные практики ремонта, сформированные в результате различных исторических, экономических и политических особенностей обоих социальных контекстов, но и пытаюсь заполнить образовавшиеся теоретические и эмпирические лакуны в практиках починки при помощи со-дизайна и со-исследования.

В этой статье я предлагаю рассмотреть то, как специфические потребительские практики, такие как покупка одежды в секонд-хендах, связаны с практиками ремонта; чем отличаются мотивации людей, которые заново осваивают эти практики, и мотивации тех, кто не переставал заниматься переделками одежды, продлевая ей жизнь; а также в чем основные различия инфраструктуры ремонта в датском и украинском контекстах.

Это исследование, основанное на практике (practice-based PhD), представляет интерес, с одной стороны, для исследователей потребительских практик в сфере моды и ремонта, для тех, кому интересны материальные и гардеробные методы и зарождающаяся методология партисипативного текстильного дизайна (participatory textile making); с другой стороны, для дизайнеров и других практиков модной индустрии, заинтересованных в имплементации практик починки и ремонта.

В первой части статьи я представлю базовые теории, на которых построено это исследование. Далее последует краткий обзор литературы о различных подходах к ремонту одежды. Затем в методологической части я расскажу о дизайне исследования и сфокусируюсь на его вступительной части и полевом исследовании, построенном

на материальных (material) и гардеробных (wardrobe) методах. В секции анализа я опишу нарративы со-исследователей — участников проекта, которые регулярно занимаются ремонтом одежды в домашних условиях. И с помощью этих нарративов я отвечу на выше поставленные вопросы. В заключении я подведу итог вступительной части исследования, выскажу мои соображения о его ограничениях и дальнейшем развитии.

Ремонт как специфическая практика различных темпоральностей и его понимание через призму социологии моды

Прежде чем перейти к обзору существующих исследований в сфере ремонта одежды, я кратко представляю теории, на которые я опираюсь. Во-первых, следует отметить социологическое исследование Ольги Гуровой о темпоральностях потребления в сфере моды в советской и постсоветской России (Гурова 2018), в результате которого были выделены четыре модели потребления: постоянное, переходное, быстрое и медленное. Оно указывает на определенные сходства между постоянной и медленной модой. Под постоянной темпоральностью подразумевается потребление одежды в социалистическом обществе «ремонта» (Герасимова, Чуйкина 2004), в котором было сложно добыть одежду из-за дефицита. Такие специфические потребительские практики, нацеленные на продление жизни вещей, как ручное производство одежды в домашних условиях (вязание, шитье и так далее), создание новых вещей из старых, переделывание и починка, характерны как для постоянной, так и для медленной темпоральности. Хотя стоит отметить, что в контексте медленного потребления эти практики имеют существенные различия. В Советском Союзе долговечность и практичность одежды были связаны с неэффективностью плановой экономики, в то время как в зрелых капиталистических обществах желание продления жизни одежды не связано с необходимостью и позиционируется как креативный личный выбор потребителя, стремящегося к индивидуальности (Campbell 1995).

Во-вторых, важно отметить, что мода — неотъемлемая часть социальных изменений, поэтому в основе моего исследования лежат как классические, так и современные концепции социологии моды. Исходя из этих теорий, мода — это форма коммуникации, которая способствует взаимодействиям внутри определенной социальной группы. Эти взаимодействия позволяют конструировать установленные

85
ШЕЕМ САМИ

ЕСЛИ СВИТЕР МАЛ...

Ваш ребенок подросток, за несколько лет накопилось немало трикотажных вещей, которые ему малы. Да и в вашем гардеробе наверняка найдется вышедшие из моды трикотажные кофты, свитеры. Предлагаемые модели комбинированных джемперов можно шить из двух-трех вещей. Выкройки рассчитаны на 36—38-й размер (рост 142—146 см).

В чертежах мы даем только два варианта членений переда, спинки и рукавов на одной основе, но таких вариантов комбинирования различных по цвету и структуре джемперов возможно множество (некоторые приводятся на схемах 3, 4, 5). Скажем, в модели 1 рукава могут быть того же цвета, что и вставка, а на спинке не обязательно делать такую же вставку, как и спереди, ее можно заменить кокеткой (модель 2). При пошиве модели 1 переднюю вставку выкраивают двойной, а правый бочок с припуском 2,5 см на застежку. Плечи простегают, предварительно проложив внутри еще один слой ткани. Кокетки тоже лучше выкраивать двухслойными.

Несколько советов: чистые трикотажные вещи, из которых вы собираетесь шить, нужно прогладить через влажную ткань, предварительно расправив все швы. Каждая деталь, кроме обтачек по горловине, выкраивается по долевой. При раскрое и шитье старайтесь не растягивать срезы. Плечевые швы посадите на тесьму, чтобы они не вытянулись. Запасы в швах оставляйте не нужно: ткань срежьте до 1 см и срезы обметывайте вместе. Джемперы, которые мы вам предлагаем, могут носить как девочки, так и мальчики. Достаточно приложить немало усилий и выдумки, и у ваших детей появятся новые модные и удобные вещи. А как комбинировать их — на этот счет можно посоветоваться и с самими ребятами, у них ведь такая богатая фантазия!

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ,
художник-модельер.
Рис. автора.

приложение к Журналу «Крестьянка»

Свидетельство
о практиках
апсайлинга
в журнале
«Крестьянка». 1985

абстрактные значения, опознаваемые через визуальный язык модного предмета, который рассматривается как интерфейс, проецирующий желаемое во внешний мир. Мода выстраивает взаимоотношения между личностью и модным предметом, модным предметом и обществом (Chon 2013). Следовательно, мода как потребительская модель и процесс взаимодействия между индивидами и обществом формирует эмоциональный отклик различных акторов и представляет собой совокупность кодов. Эти коды не только обладают таким императивом,

как «модность» (Гурова 2011), но и позволяют культивировать ценности и развивать форму социальной идентичности (Simmel 1910).

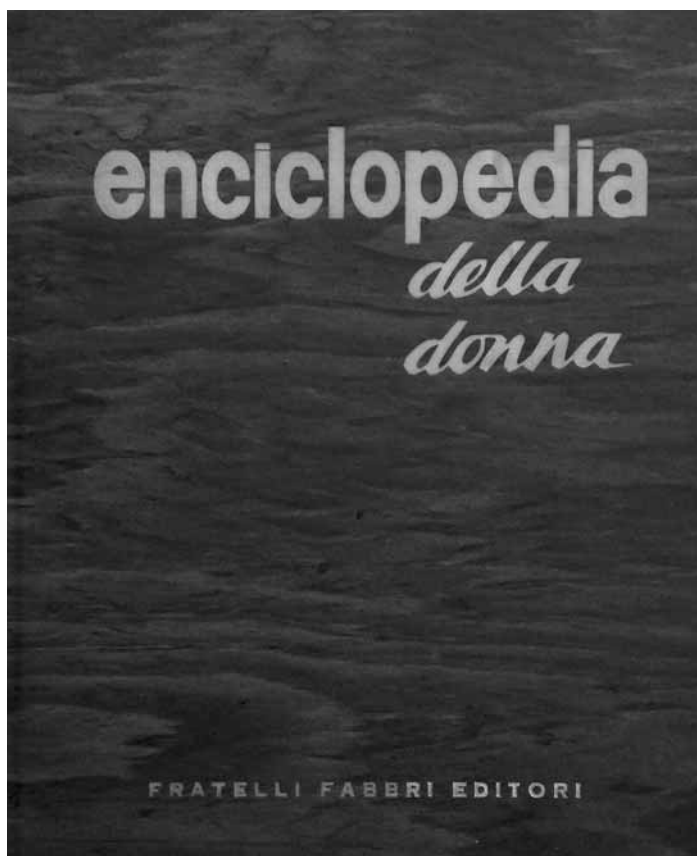
Медленная мода популяризирует такие ценности, как ориентация на местные ресурсы, прозрачность системы производства и высокое качество продукции. В рамках этой концепции ремонт одежды становится все более популярным ответом на вызовы модной индустрии и медленно перерастает в «движение тихого протеста» (Brayshaw 2020). Это указывает на то, что ремонт одежды, или мендинг (mending — англоязычный термин, обозначающий ремонт одежды при помощи шитья или штопки), не ассоциируется с бедностью и генерирует эстетический код для индивидов, разделяющих определенные экономические, экологические и социальные ценности (Kurutz 2020).

В то же время мендинг возвращается с определенными трудностями, связанными с неоднородным распространением базового набора практик ремонта в разных культурных контекстах. Отсутствие навыков шитья, времени, необходимых приборов и материалов для ремонта одежды является препятствием на пути к возвращению практик ремонта одежды. Существующие исследования, в том числе и мотивированные соображениями дизайна (design-led), предлагали различные решения, как заполнить теоретические и эмпирические лакуны. Однако эти предложения противоречивы, и я предлагаю рассмотреть их далее, в обзоре литературы.

Различные подходы к ремонту одежды в западном контексте: обзор литературы

Несмотря на растущий в академической среде интерес к ремонту, количество исследований о ремонте одежды в западном контексте невелико, особенно на постсоветском пространстве. По этой причине я сфокусируюсь на обзоре западной литературы.

Эти исследования можно разделить на три категории. К первой можно отнести исследования, основанные на практике (practice-based), то есть построенные на материале общественных воркшопов под руководством практикующих дизайнеров и исследователей дизайна. Эти попытки по распространению знаний в области ремонта одежды нацелены на обмен опытом среди участников воркшопов, а также на экспансию различных альтернативных ценностей: индивидуальных, общих для комьюнити, социальных, экологических и экономических (Fuad Luke et al. 2019). Примерами таких проектов могут послужить «The collective mending sessions» Катрин Рэйнарт (2018),

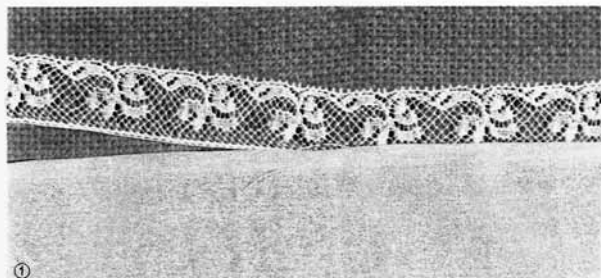
Обложка
энциклопедии
для женщин,
опубликованной
в Италии
в 1960-х годах.
1964

«Visible mending programme» Тома Холланда (2017), «The department of repair» Бриджит Харвей (2015), «Community of repair» Отто Вон Буша и другие. Такой подход набирает все большие обороты и входит в основу зарождающейся методологии партисипативного текстильного дизайна (Shercliff & Twigger Holroyd 2020). Нельзя, впрочем, не отметить спорадический характер таких воркшопов и подобных им мероприятий. К этой категории проектов можно также отнести специальные кафе по ремонту (repair cafés), появившиеся в Голландии в 2012 году по инициативе журналистки Мартин Постма и распространившиеся в разных культурных и социальных средах. Часто такие кафе и подобные им инициативы не поддерживаются местным правительством, поэтому не имеют постоянных локаций, и мероприятия проходят не регулярно, что создает определенные барьеры для продвижения вышеописанных социальных ценностей (Durgani 2019).

Ко второй категории можно отнести исследования, мотивированные соображениями дизайна (design-led). Обзор литературы здесь

COME SI ATTACCANO PIZZI E MERLETTI

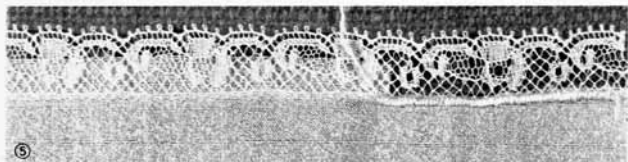
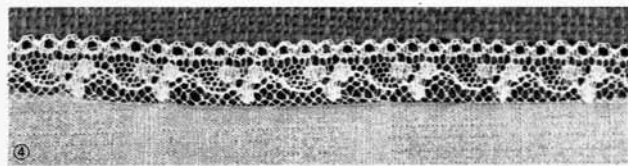
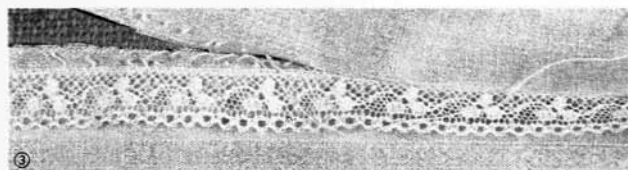
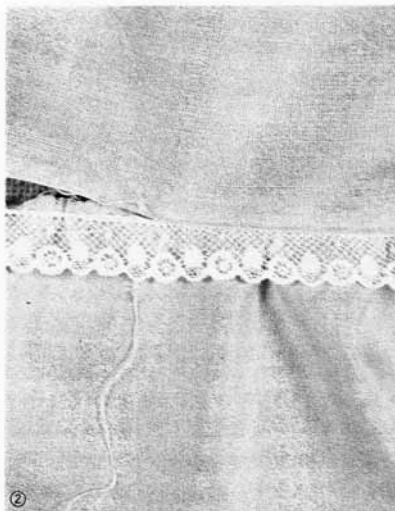
S spesso le camicette e la biancheria da bambina e da donna sono rifinite con pizzi e merletti che debbono essere applicati con la massima cura e precisione, perché il capoverso risulti perfetto anche nei particolari destinati ad abbellirlo.

PRIMO METODO

Il metodo più sbrigativo per attaccare il pizzo ai capi meno fini e impegnativi è quello di ultimare il lavoro e di imbastire dal diritto il pizzo lungo l'orlo cui deve essere applicato cucendolo infine a macchina (fig. 1). Se il pizzo dev'essere inserito

in un carré (o sprone) ossia nella parte superiore tagliata di un vestitino o camicina da bimba, lo si imbastisce sulla parte inferiore dell'indumento (quasi sempre precedentemente arricciata), si sovrappone la parte superiore con il margine rivoltato e, sempre dal diritto, si cuce in costa a macchina (fig. 2).

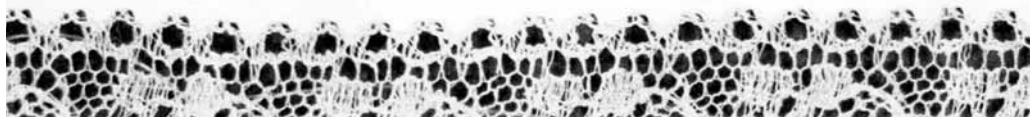

SECONDO METODO

Se dovete rifinire invece una camicina, una camicia da notte o una vestina particolarmente elegante con del pizzo ai polsini, al colletto o lungo l'abbottonatura del davanti (nei punti, cioè, in cui il tessuto è sempre doppio), sarà meglio che adottiate il seguente metodo.

Mettete sul tavolo il primo pezzo del polsino (collo o altro) dal diritto e appuntate il pizzo in modo che resti all'interno e che la sua cimosa segua esattamente la linea sulla quale verrà eseguita la cucitura (fig. 3). Sovrapponete l'altro pezzo di tessuto in modo che i due diritti combacino, imbastite, cucite e rivoltate; il pizzo sposterà formando guarnizione (fig. 4). È questa un'operazione molto semplice, che deve essere eseguita però con molta precisione affinché il pizzo resti « preso » in cucitura. Fate attenzione inoltre a lasciare il pizzo un po' lento in corrispondenza degli angoli perché non tiri o si arrotoli.

(segue)

учитывает такие предложения, как, например, применение со-дизайна в процессе создания одежды. В такой оптике, предложенной Аней Хиршер и Алистером Фуад Люком, дизайнеры занимают центральную роль, создавая незавершенную одежду и оставляя пользователю ряд возможностей ее завершения. По мнению исследователей, такой подход помогает сформировать эмоциональную привязанность пользователей к модным предметам, которая в свою очередь может влиять на желание пользователя продлевать жизнь этих предметов через различные манипуляции, такие как ремонт (Hirsher & Fuad Luke 2013). Другим подходом является предложение Элизон Гвилт, которая призывает дизайнеров разрабатывать модулярную одежду, облегчающую ее ремонт и перешивание через замену отдельных компонентов (Gwilt 2014) или включая элементы видимой штопки в дизайн для возможной маскировки будущих ремонтов (König 2013).

Однако исследование Мариум Дуррани, Кирси Нинимэки и Ширли Маклаухлан, основанное на мастер-классах и воркшопах с магистрами факультетов моды и текстиля, указывает на барьеры, с которыми сталкиваются дизайнеры на этом пути. Прежде всего это отсутствие опыта починки и переделки поврежденной одежды, которое препятствует созданию дизайн-концепций (Durrani et al. 2019).

В то же время другие исследования указывают на то, что самого по себе дизайна (Fletcher 2012) или персонализации (Maldini et al. 2019), нацеленных на долговечность и предполагающих дальнейшую починку, недостаточно. С помощью проекта «Local wisdom» Кейт Флэтчер указывает на многообразие факторов, влияющих на формирование эмоциональной привязанности пользователей к модным предметам в процессе их использования (Fletcher 2016). Аналогичным образом Мариум Дуррани призывает сфокусироваться на возрождении практик ремонта, переместившихся из приватной в публичную сферу, и изучает коллективные мендинг-мероприятия, связывая растущий интерес к практикам ремонта с коммодити-активизмом (Durrani 2019).

Третий подход к исследованиям мендинга указывает на образование как на ключ к разрешению таких вышеупомянутых проблем, как нехватка навыков шитья и инструментов. Предполагается, что если люди будут обладать минимальным набором таких навыков и инструментов, то вероятность того, что они будут ремонтировать одежду, увеличится, несмотря на то что на приобретение этих навыков требуется время и практика (König 2013). Например, Памела Норум говорит, что навыки шитья должны прививаться в рамках школьной программы, в которую следует включить онлайн-инструменты, такие

как социальные сети и видеоблоги (Norum 2013). А Кедр Лаполла и Элизавет Сандерс исследуют роль дизайнера как метапосредника, фасилитатора, способствующего обмену навыками и знаниями, необходимыми для ремонта (Lapolla & Sanders 2015). В рамках такого подхода дизайнер уходит от традиционной роли дизайнера-автора, занимающего центральную роль и знающего нужды других, и располагается на позиции дизайнера-посредника, занимающего вспомогательную роль. Таким образом, дизайнер делится своими навыками и знаниями, способствуя соавторству. Ярким примером таких исследований, построенных на традициях со-дизайна и дизайн-активизма, является научная работа Эми Твиггер Холройд. Автора интересует такая практика, как переделка вязаных изделий (Twigger Holroyd 2018).

Обзор западной научной литературы показывает, что ответ на вопрос, как вернуть и вновь распространить практики мендинга, неоднозначен. Исходя из этих исследований, одним из возможных решений является сочетание роли дизайнера как метапосредника и как исследователя, учитывающего многогранность формирования эмоциональной привязанности пользователей к модным предметам в процессе их использования (Dugrani 2019).

В то же время отсутствие академической литературы о практиках ремонта модных предметов в постсоветской реальности является свидетельством того, что «критические исследования капитализма в постсоветской России не в моде и, более того, вызывают протест, поскольку трактуются как попытка „возвратить прошлое“, что вызывает панический страх у людей, уже привыкших к товарному изобилию и считающих его синонимом счастья» (Деготь 2005). К тому же, исторически, практики шитья в домашних условиях «никогда реально не регулировались сверху» (Вайнштейн 2007) и попадали в разряд повседневной и банальной домашней работы. Эти практики часто ассоциировались с бедностью и низким социально-экономическим статусом, оставались невидимыми и не представляли никакого культурного и научного интереса. Свидетельством таких практик являются общественно-политические и литературно-художественные журналы для женщин, такие как «Работница» и «Крестьянка», а также энциклопедии домашнего хозяйства и такие публикации, как «Книга полезных советов», содержащие многочисленные советы по починке и реконструкции одежды и являющиеся основным источником креативности советских женщин.

По сравнению с аналогичной неакадемической литературой западного мира, такого рода публикации, как «Домашняя академия по домоводству и рукоделию», выходявшие с 1985 по 1988 год, мож-

но считать относительно новыми. И, следуя выражению «все новое — это хорошо забытое старое», я предлагаю обратить внимание на незаслуженно забытую культуру ремонта, существовавшую на постсоветском пространстве, и использовать ее как источник знаний о том, как распространить практики мендинга нам сейчас, и на Западе, и в Восточной Европе.

Для того чтобы проверить справедливость этого предположения, я сравню две энциклопедии домашнего хозяйства, итальянскую и советскую.

О чем говорят энциклопедии домашнего хозяйства?

В доиндустриальную эпоху ткань и умение с ней обращаться ценились высоко, так как одежда и домашний текстиль были дефицитом и к ним относились как к предметам для длительного пользования. Минимальные навыки шитья использовались для того, чтобы всячески продлевать жизнь одежды и домашнего текстиля (König 2013), хотя в то время далеко не все обладали навыками и инструментами ремонта и многие продолжали носить нечиненую одежду (Dugani 2019).

В XIX веке правительство Великобритании начало финансировать женское образование. И женщины стали учиться шитью и другим ремеслам, что давало им возможность найти работу учителями в миссионерских школах или в качестве домашней прислуги. Ремонт одежды вошел во многие дома, а учителя-миссионеры, преподающие в разных британских колониях по всему миру, способствовали распространению навыков шитья и ремонта (Cole 1982). Что касается царской России, все женщины, в «независимости от их социального положения, обучались шитью» (Вайнштейн 2007). Навыки шитья и ремонта развивались, таким образом, и на Западе, и в России и на то время носили преимущественно утилитарный характер.

Несмотря на то что к концу XIX века благодаря развитию промышленности фабричное производство товаров приобрело крупный масштаб и одежда стала более доступной, она не считалась одноразовой и была изготовлена по методам и из материалов, которые предполагали, что одежду будут чинить и ремонтировать. Параллельно практикам домашнего ремонта стали появляться мастерские, а с ними получила распространение и профессия портного. На Западе те, кто мог себе это позволить, прибегали к такого рода услугам, в то время как люди более низкого социального статуса сами ремонтировали свою одежду (König 2013).

Обложка книги «300 полезных советов», содержащей главу о починке одежды. 1958

В Российской империи шитье считалось важным элементом образования и поэтому труд портних считался «неквалифицированным» и малооплачиваемым. Затем, когда в 1920–1930-х годах сеть государственных ателье еще не была сформирована, услуги портних были очень востребованы. В дальнейшем их популярность можно объяснить низкими ценами, которые привлекали малоимущих клиентов, которые не имели возможности «покупать одежду в государственных магазинах», но были в состоянии прибегать к услугам портных (Вайнштейн 2007).

В трудный экономический период 1940-х годов ремонт одежды приобрел особое культурное значение. Все ресурсы были направлены на обеспечение военных нужд, и нехватка сырья привела к тому, что ремонт одежды начал восприниматься как патриотический гражданский долг. Об этом свидетельствует британская кампания «make do and mend», предлагавшая, в частности, детальные инструкции, как чинить одежду, модернизировать и эффективно использовать старую ткань (Gwilt 2014; König 2013). Интересно, что эту кампанию часто сравнивают с сегодняшними практиками мендинга несмотря на то, что ситуации и контекст различаются кардинально.

Когда со временем, в послевоенные годы и далее, дешевые товары массового производства стали доступны для большей части населения западного мира, потребители стали избавляться от любого неидеального предмета и практики ремонта стали рассматриваться как старомодные и ненужные.

Об этом свидетельствуют женские энциклопедии, опубликованные в Италии в 1960-х годах. Анализ энциклопедии *Enciclopedia della*

Donna (1964) показал, что из двадцати томов только несколько страниц были посвящены уходу за одеждой. Согласно этому материалу, итальянская женщина должна была стремиться стать стюардессой, моделью или секретарем и среди того, что она должна была знать об уходе за одеждой, перечислялось следующее: как подобрать подходящую одежду для определенного случая, как стирать и гладить эти вещи, и несколько советов о том, как их украсить с помощью шитья, вязания крючком и вышивки. И целые главы были посвящены беззаботному стилю «сладкой жизни»: готовке, украшению дома, интерьеру, отпуску, макияжу, пластическим операциям и диетам. К 1970-м годам женщины даже стали гордиться неумением пользоваться ниткой и иглой (König 2013).

Сравнение итальянской энциклопедии с советским справочником того же периода показывает, что этим обществам в 1960-х годах был присущ совершенно разный набор ценностей, разные экономические условия и ритмы потребления. В 1960-х годах итальянские энциклопедии создавали образ «сладкой жизни», беззаботности и праздности, советуя читателям, что надеть, когда отправляешься в отпуск. Мы можем говорить, таким образом, о преобладании быстрого ритма потребления.

Советское общество все еще находилось в условиях, в которых не существовало идеи одноразовых предметов, вещей было мало, при этом они были хорошего качества и продолжительность их жизни была почти бесконечной. Это отражается в советских энциклопедиях, популяризирующих культуру быта и ремонта. Так, например, в книге «300 полезных советов», опубликованной в 1958 году, есть целая глава, посвященная уходу и ремонту одежды. В краткой энциклопедии домашнего хозяйства (1979) можно найти статьи о построении чертежей выкроек верхней одежды и белья, о вязании и вышивании и об уходе за одеждой. А в публикации «Молодой хозяйке» написано, что «каждая настоящая женщина должна уметь выводить пятна, уметь сшить платье и подогнать одежду по телу» (1958). Креативные практики манипуляции с одеждой не только были способом сопротивления структурным условиям, но и представляли собой индивидуальное отстранение от стандарта. «Создавая вещи, переделывая или украшая их, советские граждане боролись с дефицитом или делали индивидуальными стандартные вещи» (Гурова 2018). Таким образом, умение шить продолжало быть важной культурной практикой и стало критерием, формирующим оценку «женской компетенции» в советском и постсоветском обществах.

Методология

Это исследование основано на практике (practice-based PhD) и располагается в рамках дизайн-исследований (design research), которые представляют собой развивающуюся академическую отрасль. Я намереваюсь выйти за рамки понимания существующих практик ремонта и попытаюсь заполнить образовавшиеся теоретические и эмпирические лакуны в практиках мендинга, используя повторяющиеся циклы планирования, проб и рефлексии, для развития идей, создания инструкций и инструментов, способствующих возрождению практик ремонта одежды.

Таким образом, я опираюсь на методологию исследований через дизайн (research through design) (Zimmerman et al. 2010), используя материальные (Woodward 2019), гардеробные (Fletcher & Klepp 2017; Skjold 2016; Woodward 2015) и текстильно-партисипативные (Shercliff & Twigger Holroyd 2020) методы. Эти методы ориентированы на материальную культуру и способствуют пониманию моды как процесса, формируя понимание модного объекта через время и «переплетение субъектно-объектных отношений» (Woodward 2019).

В статье используются данные, собранные при помощи гардеробных интервью в 2021 году в Дании и Украине. Всего было взято восемь интервью, три из которых было проведено в городе Кольдинг (Дания), одно в Орхусе (Дания), три в Киеве (Украина) и одно в Кривом Роге (Украина). В качестве интервьюируемых выступили женщины в возрасте от 23 до 38 лет. Среди интервьюируемых были женщины разных профессий — ремесленница по апсайклингу мебели, два дизайнера (промышленный и дизайнер игры), антрополог, менеджер, архитектор, учитель иностранных языков и одна студентка. Критерием отбора служило обладание минимальными навыками ремонта одежды, регулярное применение этих практик, знание английского языка и желание принять участие во всех пяти этапах со-эксплорации. Участники проекта привлекались через объявления в социальных сетях, методом снежного кома и через gear café. Стоит отметить, что гендерное различие не служило критерием отбора, но, несмотря на это, из шестнадцати человек, проявивших желание участвовать в проекте, только один был мужского пола, но затем по личным причинам он не смог принять участие в проекте. Все со-исследователи проекта имеют высшее образование либо находятся в процессе его получения. Все участники с Украины дали письменное согласие на использование собранных в процессе со-эксплорации данных, в то время как датские участники предпочли вербальное согласие. Никто

нужно делать наискось (рис. 33). В тех случаях, когда сукно порвано, оно стругается: выдергивается где-нибудь с краю нитка из той же ткани и ею сшивают оба куска материала. Выкалывать иглой нужно не наискось, а захватывая половину толщины материала (рис. 34).

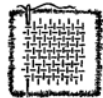

Рис. 32. Штопка суха.

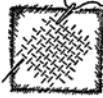

Рис. 33. Штопка шерстяного материала.

Рис. 34. Штопка.

Рис. 35. Ветхая заплат штопкой.

Штопкой можно на суконных вещах незаметно астапливать заплатки. Для прочности с изнанки подшивают кусок шёлка размером немного больше заплатки (рис. 35); при шитье нужно следить, чтобы не прокололи наискось материала. Прежде чем подшивать шёлк, оставленную заплатку (с изнанки) следует хорошо разгладить горячим утюгом.

Шерстяной материал штопать труднее, чем сукно, так как края его высыпаются и, кроме того, он толще. Если материал порван, то его заштопывают, как показано на рис. 36.

88

Страница из книги
«300 полезных
советов». 1958

из участников не захотел сохранить анонимность, поэтому в статье будут приведены их имена.

Гардеробные интервью проходили в домах со-исследователей. Процесс полуструктурированных интервью проходил органично, в их основу были положены заранее подготовленная структура и серия вопросов. Я призывала участников открывать их гардеробы, доставать из них отремонтированную ими или профессионалами одежду и разделять ее по стопкам, соответствующим различным типологиям повреждений (таких, как дыры, надрывы и так далее).

В процессе документации были использованы аудио- и видеозапись, а также сделаны фотографии каждого предмета одежды и макрофото поврежденных зон и результатов починки. Все интервью были транскрибированы, и затем был проведен их тематический анализ, в ходе которого всплывали повторяющиеся темы, положенные в основу нижеописанных нарративов.

Что люди ремонтируют сегодня? «Я покупаю в секонд-хенде, а такая одежда часто нуждается в починке»

Когда я рассказываю, что провожу научное исследование о мендинге, люди очень удивляются, что такая тема, как ремонт одежды, может представлять научный интерес. Один из самых часто задаваемых вопросов: «А что же люди чинят в 2021 году?» Ответ на него частично связан с ростом потребления одежды секонд-хенд, это становится повторяющейся темой в нарративах информантов.

Ситуация не так уж и нова. Уже в конце 2000-х, после экономической рецессии 2008 года, покупки в секонд-хенде стали популярны, особенно среди молодежи. Юлия Егерера и Ольга Гурова пишут, что эти практики ответственного потребления являются «результатом кризиса, неудовлетворенности укоренившимся в обществе консюмеризмом и усталости от бесконечного шоппинга» (Егерера, Гурова 2014). По данным Всемирного экономического форума, в 2019 году рынок подержанных товаров рос в двадцать один раз быстрее, чем рынок конвенциональной коммерческой моды. И согласно данным Global data, к 2029 году рынок одежды секонд-хенд станет в два раза больше рынка быстрой моды.

Таким образом, покупки в секонд-хендах больше не стигматизируются, ассоциируясь с бедностью, и рассматриваются как возможность приобрести уникальные модные вещи, не доступные на массовых рынках: «Я помню, когда я только начинала покупать в секонд-хендах, это было не совсем круто. Считалось, что люди, которые покупают не новую одежду, просто не могут позволить себе что-то лучшее. Это ассоциировалось с бедностью, и я часто держала это в секрете. В то время у меня был такой стиль funkю, мне нравились трикотажные вещи 70-х, которые было нереально найти в магазинах, в то время как секонд-хенды были ими переполнены. Вот так я и начала потреблять

Свидетельство
о растущем
потреблении
секонд-хенд еще
до пандемии.
Ярмарка Nowhere
Vintage Kilo Sale
в Больцано,
Италия. 2019

более ответственно, хотя в то время для меня это не было приоритетом. Теперь, когда ответственное потребление в моде, мне нравится тот факт, что я делаю мой маленький взнос, когда ношу одежду из секонд-хенда и ремонтирую ее» (Эмили, 26 лет, Дания).

Практики покупок в секонд-хенде напрямую связаны с практиками ремонта одежды, поскольку люди часто покупают вещи, нуждающиеся в починке: «Большая часть моего гардероба — это вещи из секонд-хенда, а такая одежда часто уже очень изношена. На таких вещах быстро появляются дыры, или они уже есть в момент покупки и потом быстро разрастаются, особенно на трикотажных изделиях» (она же). Людей не смущают мелкие повреждения, так как они знают, что будут в состоянии восстановить поврежденную вещь: «Ты понимаешь, что сделать пару стежков ничего не стоит, а вещь будет сохранена. Потом, если вещь хорошего качества, она сможет прослужить еще много лет. Ты там что-то подштопаешь, и оно уже будет целое» (Марта, 23 года, Украина).

Помимо этого, одежда хорошего качества, купленная в секонд-хендах, способствует развитию навыков по починке. В прошлом одежда не считалась одноразовой и шилась определенным образом и из материалов, которые предполагали, что одежду будут долго носить и чинить по мере необходимости (König 2013). Сегодня эти прежние модели служат образцом для ремонта одежды: «Вот, например, эта кожаная куртка, которую я недавно купила. Видишь, здесь под мышкой есть такие маленькие заплатки. Они здесь для того, чтобы закрепить эту часть, в которой одежда чаще всего расходится по швам. У меня есть несколько мужских курток, которые я купила в секонд-хенде, и этот элемент укрепления присутствует в каждой. Я думаю, что они из 80-х. Наверное, в то время было принято так делать» (Эмили, 26 лет, Дания). Помимо этого, покупки в секонд-хенде не только способствуют вторичному потреблению уже готовой одежды, но и применяются для эффективного использования старой ткани: «Иногда я вижу что-то из хорошего материала, и даже если эта вещь мне не подходит или не нравится по фасону, я все равно ее покупаю. Потом я ее распарываю и использую лоскутки для каких-то заплат или вставок» (Джессика, 35 лет, Дания).

По мнению со-исследователей проекта, не только винтажная одежда или одежда хорошего качества заслуживает второй жизни и должна высоко цениться: «Секонд-хенды забиты одеждой массмаркетов. Я часто нахожу почти новые вещи, которые еще не успели выйти из моды и кажутся актуальными. Просто невероятно, что в Дании люди избавляются от таких вещей» (она же); «Я считаю, что даже если ее

качество не так уж и высоко, покупать такую одежду и продлевать ей жизнь все-таки лучше, чем выбрасывать в сортировочный бак. Мы все знаем, что эта одежда потом возвращается в страны ее производства. И потом, если ты к ней бережно относишься, она может служить так же долго, как и одежда хорошего качества. Вот, например, этому свитеру H&M уже 12 лет. Сначала я его носила сама, потом отдала сестре, теперь он опять вернулся ко мне. Его, конечно, уже нужно подлатать, но я не перестаю его любить» (Герда, 30 лет, Дания).

Почему мы возвращаемся к практикам ремонта? «Я ремонтирую свою одежду, потому что люблю ее и мне жутко обидно, если с ней что-то происходит»

Ответ на то, почему люди возвращаются к практикам ремонта одежды, неоднозначен. Частично это связано с экологическим активизмом: молодое поколение занимает более ответственную позицию по отношению к окружающей среде. Так, например, в панельной дискуссии, организованной британской компанией TOAST в апреле 2021 года и собравшей ведущих специалистов в области ремонта, говорили о важности мендинга в контексте экологической устойчивости, а также о том, как экологический активизм способствует растущему интересу к мендингу. В таком контексте все больше людей хотят научиться ремонтировать одежду. Силия Пим, практикующая мендинг и преподающая в британской Королевской академии художеств, заметила, впрочем, что в моду входит эстетика видимого мендинга и люди часто просят ее заштопать новую, неповрежденную одежду.

В нарративах со-исследователей этого проекта, которые привыкли чинить одежду с детства и по-прежнему регулярно практикуют мендинг, проблема устойчивости не выражена явно, хотя и служит опорой ценностям рассказчика: «Меня воспитали так, что нужно заботиться о мире, о людях, об окружающей среде. Моя мама была матерью-одиночкой, и она постоянно шила одежду мне и моей сестре. Я думаю, что я просто к этому привыкла с детства и теперь каждый раз думаю: „эта вещь слишком хороша, чтобы ее выбрасывать“. Поэтому беру и латаю» (Теа, 38 лет, Дания).

Все со-исследователи идентифицируют себя со средним классом, хотя многие из них вспоминают свое детство и юность как трудное время: «Я выросла в очень бедной семье, как и мой муж. Нам покупали одежду раз в году, и это было перед началом учебного года,

школьный шопинг. Мы просто не могли все время покупать новые вещи. Сейчас я бы отнесла нас к среднему классу, но к вещам мы относимся с прежним уважением» (Джессика, 35 лет, Дания). Но ассоциация с бедностью не служит психологическим барьером, отделяющим интервьюируемых от практик ответственного потребления: «В студенческие годы я в основном покупала более дешевую одежду. У меня были первые заработки — я писала в институтскую газету. Если я хотела себе что-то купить, я оценивала усилия, которых мне это будет стоить, и либо я перебивалась, либо искала что-то подешевле, либо понимала, что эта юбка мне прослужит долго. А когда уже начала хорошо зарабатывать, то могла себе позволить что-то и подороже и смотрела на материалы. Вот так росло и качество» (Татьяна, 33 года, Украина). Более того, они способствуют развитию компетенций: «Нет, сюда я уж явно не поставлю заплату. С такой починкой я буду чувствовать себя некомфортно. Результат будет напоминать мне о брюках, которые у меня были в детстве, с такими уродливыми заплатами. Я бы подложила что-то с внутренней стороны, чтобы сделать это не таким видимым. Хотя сделать невидимую заплату не так легко, как прилепить что-то сверху» (Герда, 30 лет, Дания). Помимо этого,

Гардеробное
интервью с Гердой
Мари в Кольдинге,
Дания. 2021

Элемент
закрепления
шва в кожаной
куртке, купленной
в секонд-хенде,
Кольдинг,
Дания. 2021

все участники проекта высказали свое недовольство по поводу моды на видимые результаты починки, признавая, что не понимают, зачем штопка и другие следы починки должны быть такими «кричащими»: «Я этого просто не понимаю, наверное, потому что я люблю все минималистическое. Когда я натыкаюсь в Facebook¹ на эти тьюториалы, где там вот такая маленькая дырочка на пуховике, а они ее зашивают то ли в форме сердечка, то ли еще что-то. Ну зачем?» (Марта, 23 года, Украина). Таким образом, все участники проекта рассказали, что всегда начинают с реставрации модных объектов, стараясь сохранить их изначальный вид, используя при этом техники невидимой штопки.

Архив материалов
Эмили Бех
как пример
эффективного
использования
старой ткани.
Кольдинг,
Дания. 2021

Часто повреждения возникают в «неудобном месте», и те, кто обладает компетенциями мендинга, предпочитают не акцентировать внимание на отремонтированном участке. В том же случае, когда отреставрировать вещь невозможно, они используют творческий подход и всячески перешивают и украшают одежду: «Я всегда начинаю с невидимой штюпки, что довольно-таки естественно, когда у тебя в гардеробе много черной одежды. Это придает ей более опрятный вид. Но мне также нравятся декоративные элементы на одежде. Поэтому, когда не удастся отремонтировать вещь так, чтобы это было незаметно, я начинаю экспериментировать. Как, например, на этом пиджаке.

Неброская
шторка
свитера H&M
из гардероба
Герды Мари.
Кольдинг,
Дания. 2021

Я его весь расшила вышивкой и в придачу еще и значков добавила. Таким образом в моем гардеробе появляются такие вот *unique pieces*» (Эмили, 26 лет, Дания).

В целом повторяющейся темой нарративов является признание утилитарной ценности модных вещей «о главном», которые «честно говорят о том, для чего предназначены», а не просто создают модную видимость. Екатерина Деготь называет такие вещи «товарищами» (Деготь 2005), в то время как Зигмунт Бауман сравнивает человеческие отношения с консюмеризмом и рассуждает о любви, желании и прихоти. Согласно Бауману, «покупатели не покупают для того, чтобы удовлетворить желание, они покупают по прихоти. Эстетика товарного вида привлекает, в то время как мусор вызывает отвращение. Если прихоть хочет потреблять, любовь хочет обладать» (Бауман 2003). При такой оптике любовь подразумевает защиту и опеку, о чем и свидетельствуют нарративы со-исследователей: «я ремонтирую мою одежду потому, что люблю ее и мне жутко обидно, если с ней что-то происходит» (Ксения, 26 лет, Украина).

Как появляются навыки?

Два вышеописанных нарратива очень схожи, и их границы размыты. В то время как ответ на вопрос «Как появляются навыки?» предполагает описание существенных различий инфраструктур ремонта в рассматриваемых нами контекстах.

Навыки ремонта одежды на Западе почти утрачены. С 1970-х годов женщины стали гордиться неумением шить (König 2013), эта практика потеряла свое культурное значение и перестала передаваться от поколения к поколению в кругу семьи. Поэтому далеко не все получают по наследству набор соответствующих практик. Хотя Эмили, Герде и Джессике это удалось. Все они учились шитью и починке одежды дома. Эмили вспоминает: «Шитью меня учила мама. Она шила нам одежду, когда мы были детьми». Потом, открывая свою шкатулку для шитья и доставая из нее мелок для портных, говорит: «Я помню, как я обожала звук этого мела. Я постоянно крутилась вокруг мамы, пока она шила, и пыталась что-то подшить на ее машинке. Для меня это было какой-то магией. Потом, когда мне было под восемь, мама подарила мне мою собственную швейную машину и вот эту шкатулочку, содержащую все необходимое для шитья» (Эмили, 26 лет, Дания).

Теа обучалась шитью, вязанию и другим креативным практикам в одной из датских ремесленных школ: «Изначально меня всему обучала мама, а потом, когда я подросла, на протяжении года я ходила в ремесленную школу, где и закрепила знания о шитье» (Теа, 38 лет, Дания).

Всем детям в Дании обеспечено бесплатное государственное образование. До 16 лет они учатся в средней школе, в конце сдают общенациональный тест, который помогает им определиться с дальнейшей сферой образования. Ученики, предрасположенные к точным наукам, выбирают гимназию, в то время как практически ориентированные подростки часто предпочитают профессиональные училища, в которых готовят разных специалистов и обучают соответствующим навыкам, будь то металлообработка, электротехника или бизнес. В промежутке между средней и высшей школой многие выбирают *efterskole*. Цель таких школ — дать подросткам возможность не торопясь принять решение о дальнейшем образовании. Молодежь живет вдалеке от дома на протяжении года или двух, учится дизайну, театральному мастерству и другим дисциплинам. Интересно, что при полностью бесплатной системе образования такие школы обычно стоят довольно дорого. В одной из таких школ училась и Теа, но, несмотря на то что это была школа текстильного дизайна, в программе не было

Использование
декоративных
элементов для
шторки. Куртка
из гардероба
Эмили. Кольдинг,
Дания. 2021

такого предмета, как починка или ремонт одежды. Фактически единственным способом приобретения навыков ремонта одежды остается обучение в домашних условиях.

На постсоветском пространстве распространена двухуровневая система обучения практикам ремонта, зародившаяся во времена социализма и продолжающая существовать по сегодняшний день. При этом все также распространены услуги портных: у каждой из интервьюируемых есть личная швея, на которую они могут полагаться. А также существуют различные ателье и мастерские по ремонту одежды: «Да, ателье много, у нас есть одно прямо во дворе. А еще есть много портных, которые работают на дому и их все советуют. Или ты просто залезаешь в группу жилищного комплекса и ищешь там хорошие рекомендации. У нас это есть. Это прям такая интересная индустрия» (Татьяна, 33 года, Украина).

Навыкам ремонта одежды все так же обучаются в школе. «Труд», или как его называют сегодня «Технология», является одним из учебных предметов среднеобразовательной школы. В начальных классах все

обучаются минимальным навыкам шитья и штопки одежды: «У нас в школе, я помню, что пуговицу пришивали все, и мальчики и девочки, но когда речь шла о декоративной вышивке, то там у мальчиков было уже другое задание. Я не знаю, что они делали. Но, конечно, как у моего папы было, что они делали скворечник, что-то с деревом, то, конечно, такого уже не было, потому, что просто не было мастерской в школе» (Марта, 23 года, Украина). Начиная с пятого класса девочки обучались кройке и шитью, в то время как мальчики обучались «мужским ремеслам», таким как работа по дереву или металлу: «В школе у нас была система. Сначала мы изучали ткани. Брали там шерсть, шелк. У меня был альбом, в который мы клеивали разные ткани. Мы учились делать разные стежки, выкройки, вставлять молнию. Раньше, когда у меня было меньше денег, я все делала сама, даже обрабатывала разболтанные края. Нас и этому учили, я это умею делать. Рукоделие это прям было. И потом была готовка. А мальчики что-то там мастерили — табуретки» (Татьяна, 33 года, Украина). Все интервьюируемые признают важность такого обучения: «Это такой навык необходимый, я считаю. Потому что бывают же семьи, где детей вообще ничему не учат. Ни приготовить, ни плитку зажечь, ни подшить. А так есть школа»

Ремонт,
осуществленный
профессиональной
швеей,
свидетельствующий
о двухуровневой
инфраструктуре
ремонта в Украине.
Из гардеробного
интервью с Ксенией
Дыгановой. Киев,
Украина. 2021

(Ксения, 26 лет, Украина). Хотя и высказывают некоторое недовольство по поводу гендерного различия: «Вот мне не нравится эта вещь, что в школе у нас труды у девочек были отдельно. Я считаю, что нужно иногда менять местами, чтобы девочка тоже могла гвоздь забить. Но я не знаю, как дела обстоят в школах сейчас» (она же).

Таким образом, в отличие от Дании, в Украине благодаря такой двухуровневой инфраструктуре независимо от гендерной принадлежности люди владеют минимальными навыками шитья и штопки и в состоянии продлевать жизнь своей одежде. Более того, школьное образование способствует дифференциации того, что можно заштопать дома, а что лучше отдать в руки профессиональных портных. Несмотря на это, ремонт одежды в Украине также относится к разряду повседневной и банальной домашней работы и не считается креативной практикой. Хотя, как замечает Ксения: «Наверно, это дело времени. Нужно просто преподнести, что штопка — это модно и классно» (она же).

Заключение

Несмотря на растущий интерес к практикам мендинга, исследования в этой области довольно скудны и в основном направлены на западный мир. Предположив, что искать ответ на то, как возратить и вновь распространить практики мендинга, стоит в напрасно забытой культуре ремонта на постсоветском пространстве, я решила посмотреть на практики мендинга в восточно-европейском контексте с точки зрения их многообразия и подлинной, часто непреднамеренной устойчивости.

Опираясь на теорию темпоральностей потребления и взяв в качестве материала гардеробные интервью, я описываю, почему люди вновь возвращаются к практикам ремонта одежды, связывая интерес к мендингу с растущим трендом потребления одежды из секонд-хендов. Я также демонстрирую, как по-разному интерпретируют эстетические коды мендинга люди, впервые знакомящиеся с этими практиками, и те, кто практикует ремонт одежды регулярно. Для первых мендинг связан с экологическим активизмом, и они предпочитают демонстрировать эти ценности внешнему миру через броский визуальный код видимого мендинга, в то время как для вторых мендинг является утилитарной практикой и они предпочитают реставрировать, а не декорировать.

Наконец, я сравниваю датский и украинский контексты инфраструктуры ремонта, акцентируя внимание на том, что в постсоветском

пространстве люди имеют возможность развивать компетенции ремонта благодаря школьному образованию и сети сервисов ремонта.

Помимо вышеописанного, в рамках этого исследования необходимо обратить внимание на неявные знания (*tacit knowledge*), которые применяются в фазе анализа повреждений, а также на то, как выбираются техники и материалы для ремонта. Важным аспектом также являются барьеры восприятия мэндинга как креативной практики. Эти лакуны будут исследованы через серию воркшопов на следующих этапах исследования, построенных на использовании повторяющихся циклов планирования, проб и рефлексии. Одним из результатов исследования станет разработка спектра штопки, способствующего возвращению и распространению практик ремонта одежды.

Литература

Вайнштейн 2007 — Вайнштейн О. Мое любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 3. С. 101–126.

Волкова 1962 — Волкова О. Молодой хозяйке. Л.: Коммунист, 1962.

Герасимова, Чуйкина 2004 — Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. С. 70–77.

Гурова 2011 — Гурова О. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 72–82.

Гурова 2018 — Гурова О. Время и мода: продолжительность жизни вещей в советском и постсоветском обществе // Shagi/Steps. 2018. 4 (3). С. 68–96.

Деготь 2005 — Деготь Е. От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета // Логос. 2005. № 5. С. 201–210.

Егерева, Гурова 2014 — Егерева Ю., Гурова О. «Хантеры» и секонд-хенд потребление в Санкт-Петербурге // Лабиринт. 2014. № 2.

Колоколова 1979 — Колоколова Г.Н. Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Советская энциклопедия, 1979.

Федорова 1958 — Федорова Н.В. 300 полезных советов. Л., 1958.

Allwood et al. 2006 — Allwood J., Laursen S., Rodriguez C., Bocken N. Well Dressed? The Present and Future Sustainability of Clothing and Textiles in the UK. Cambridge: University of Cambridge Institute for Manufacturing, 2006.

Bauman 2003 — Bauman Z. Liquid love. On the fragility of human bonds. Cambridge: Polity press, 2003.

Brayshaw 2020 — Brayshaw E. Visible mending: punk's not dead, just patching itself up. Modern Australian. 2020. www.modernaustrian.com/

1075-visible-mending-punk-s-not-dead-justpatching-itself-up (по состоянию на 25.04.2022).

Campbell 1995 — Campbell C. The sociology of consumption // Acknowledging consumption: A review of new studies / Ed. by D. Miller. London: Routledge, 1995. Pp. 96–126.

Cederström 2018 — Cederström C. A history of happiness explains why capitalism makes us feel empty inside. Interviewed by Sean Illing, 2018. www.vox.com/science-and-health/2018/9/4/17759590/happiness-fantasy-capitalism-culture-carl-cederstrom (по состоянию на 25.04.2022).

Chon 2013 — Chon S. Fashion as Aesthetic Experience: A Discussion of Subject-Object Interaction // Conference paper, 2013. www.researchgate.net/publication/268010781 (по состоянию на 25.04.2022).

Clark 2008 — Clark H. Slow fashion, an oxymoron, or a promise for the future? // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture, 2008. Vol. 12.4. Pp. 427–446.

Cole 1982 — Cole M. Whitelands College: The history. London: Whitelands College, 1982.

Ditty 2017 — Money Fashion Power. Fashion Revolution / Ed. by Ditty, 2017.

Durrani 2019 — Durrani M. Through the Threaded needle. A Multi-Sited Ethnography on the Sociomateriality of Garment mending Practices. PhD. Aalto: School of art and Design, 2019.

Durrani et al. 2019 — Durrani M., Niinimäki K., McLauchlan S. Designing for and with garment repair: an exploration of future possibilities // Paper presented at PLATE conference. Berlin: Conference proceedings, 2019.

Enciclopedia della donna 1964 — Enciclopedia della donna. V. 1–20. Milano: Fratelli Fabbri Editori, 1964.

Fletcher & Grose 2012 — Fletcher K., Grose L. Fashion and sustainability: design for change. London: Laurence King Publishing, 2012.

Fletcher & Klepp 2017 — Fletcher K., Klepp G. Opening up the wardrobe. A method book. Oslo: Novus press, 2017.

Fletcher 2012 — Fletcher K. Durability, fashion, sustainability: The processes and practices of use // Fashion Practice Journal, 2012. Vol. 4 (2). Pp. 221–238.

Fletcher 2016 — Fletcher K. Craft of use. Post-growth fashion. N.Y.: Routledge, 2016.

Fuad-Luke et al. 2019 — Fuad-Luke A., Hirscher A., Mazzarella F. Socializing Value Creation Through Practices of Making Clothing Differently: A Case Study of a Makershop With Diverse Locals // Fashion Practice Journal, 2019. Vol. 11 (1). Pp. 53–80.

Graziano & Trogal 2019 — Graziano V., Troga T., ed. Repair matters // Ephemera Journal, 2019. Vol. 19 (2).

- Gwilt 2014* — Gwilt A. What prevents people repairing clothes? An investigation into community-based approaches to sustainable product service systems for clothing repair // *Making Futures Journal*. 2014. No. 3.
- Jehlička et al. 2020* — Jehlička P. et al. Thinking food like an East European: A critical reflection on the framing of food systems // *Journal of Rural Studies*. 2020. No. 76. Pp. 286–295.
- König 2013* — König A. A stitch in time: Changing cultural constructions of craft and mending // *Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research*. 2013. 5 (4). Pp. 569–585.
- Kurutz 2020* — Kurutz S. Now Is When We All Learn to Darn Our Socks Again // *The New York Times*. 2020. www.nytimes.com/2020/03/12/style/visible-mending.html (по состоянию на 25.04.2022).
- Lapolla & Sanders 2015* — Lapolla K., Sanders E.B.N. Using cocreation to engage everyday creativity in reusing and repairing apparel // *Clothing and Textiles Research Journal*. 2015. Vol. 33 (3). Pp. 183–198.
- Maldini et al. 2019* — Maldini I., Stappers J., Gimeno-Martinez J., Daanen H. Assessing the impact of design strategies on clothing lifetimes, usage and volumes: The case of product personalisation // *Journal of cleaner production*. 2019. (210). Pp. 1114–1124.
- Meunier 2019* — Meunier J. Co-living, co-working, co-everything: taking mixed use to a new level. 2019. allwork.space/2019/06/co-living-coworking-co-everything-taking-mixed-use-to-a-new-level (по состоянию на 25.04.2022).
- Niinimäki 2013* — Niinimäki K., ed. Sustainable fashion: new approaches. Helsinki: Aalto University press, 2013.
- Norum 2013* — Norum P.S. Examination of apparel maintenance skills and practices: Implications for sustainable clothing consumption // *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 2013. Vol. 42 (2). Pp. 124–137.
- Orsola de Castro 2021* — Orsola de Castro. *Loved clothes last. How the Joy of Rewearing and Repairing Your Clothes Can Be a Revolutionary act*. UK: Penguin, 2021.
- Packard 1963* — Packard V. *The waste makers*. Harmondsworth: Penguin, 1963.
- Shercliff & Twigger Holroyd 2020* — Shercliff E., Twigger Holroyd A. Stitching Together: Participatory textile making as an emerging methodological approach to research // *Journal of Arts & Communities* 10. 2020. Vol. (1&2). Pp. 5–18.
- Simmel 1910* — Simmel G. *Die mode in Philosophische Kultur*. Leipzig, 1910.
- Skjold 2014* — Skjold E. *The Daily Selection*. Det Daglige Valg. PhD. Frederiksberg: Copenhagen Business School, 2014.

Thumberg 2021 — Thumberg G. The wonders of Greta Thumberg. Vogue interview with the voice of a generation. Interviewed by Tom Pattinson. 2021. www.voguescandinavia.com/articles/greta-the-great (по состоянию на 20.08.2021).

Twigger Holroyd 2018 — Twigger Holroyd A. Reknit revolution: knitwear design for the domestic circular economy // Journal of textile Design Research & Practice. 2018. 6 (1). Pp. 89–111.

Woodward 2015 — Woodward S. Object interviews, material imaginings and «unsettling» methods: interdisciplinary approaches to understanding materials and material culture // Qualitative Research. 2015. Vol. 16 (4).

Woodward 2019 — Woodward S. Material Methods: Researching and Thinking with Things. London: SAGE publications, 2019.

Zimmerman et al. 2010 — Zimmerman J., Stolterman E., Forlizzi J. An analysis and critique of Research through Design: towards a formalization of a research approach // Proceedings of the 8th ACM Conference on Designing Interactive Systems — DIS '10. Aarhus, Denmark, 16–20 August 2010. ACM Press, 2010. Pp. 310–319.

Примечание

1. Здесь и далее: деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 г. по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Прим. ред.)